

Философ «от сохи»

Анатолий Гайда – соавтор самых значительных, коренных правовых преобразований в Свердловской области

Станислав СОЛОМАТОВ

Уже в 14 лет он руководил тракторной бригадой. Хоть была она школьной, но падали в ней по-взрослому. Доказательство тому – Толя Гайда был награжден медалью. А после окончания 11 классов ему пришел вызов из Москвы – поступать без экзаменов в сельхозакадемию. Но крестьянский паренек выбрал философию и добился на этой стезе успеха, став профессором, доктором философских наук, директором профильного академического института и прочее, и прочее...

– Так почему, Анатолий Войцехович, вы пошли не в сельское хозяйство, а в такую сферу, о которой не слышали в вашем селе?

Когда я приехал домой после поступления, одноклассники никак не могли уяснить, кем я собираюсь стать. Объяснял им: «Вы знаете, кем были Маркс, Энгельс, Ленин? Вот и я буду, как они, — философ».

А что касается родителей, то они были мудрейшими людьми. Философия по жизни. Хотя образования фактически не имели. Мама вообще неграмотная. Ее молодой вывели с Украины. К тому же она потом воспитывала восемь детей, учиться было некогда.

– Вы сказали «вывезли», то есть ваша семья оказалась в Казахстане не совсем добровольно. Как же вас с такой биографией приняли на насковоз идеологизированный факультет?

– Мало кто знает, что первым депортированным народом при Сталине оказались поляки, которыми и были мои родители. Их выселили в 1936 году с Западной Украины, из села под городом Новогород-Вольским. Место, которое определили для жительства, спецпереселенцы назвали Ясная Поляна. Почему? Потому что, когда привезли их туда летом, там только ковыль рос. Степь простиралась во все стороны.

Создавали тогда в стране полупустынные поселения — точки. Ясная Поляна и стала точкой номер пять. Был у нас долгое время и военный командант. А паспорта у родителей не было, как и у меня. Получил я паспорт лишь тогда, когда поступил в Уральский госуниверситет. Но, замечу, нигде и никогда за всю мою жизнь я не испытывал давления из-за того, что моих родителей депортировали.

Полагаю, исключение было сделано по той причине, что у меня была медаль «За освоение целинных земель». Был я также отмечен грамотой ЦК комсомола, которая приравнивалась к государственному наградам.

– Кстати, генерал Рудольф Гайда, который в 1918 году во главе чехословацких легионеров захватывал Екатеринбург, был чехом по национальности. Но ваши родители – поляки. Как вы объясните этот парадокс?

– В годы перестройки преподавал в Карловом университете в Праге и часто встречал чехов с такой фамилией. Её носят и чехи, и поляки...

– Вернёмся к учёбе в университете. Признаться, тяжело пришлось на таком элитарном факультете, имея за спиной 11 классов сельской школы?

– Прежде всего, у меня была мощная мотивация. Да и родители приучили трудиться с малых лет. Сильно помогло и то, что у меня появился учитель и в философии, и в жизни — Константин Николаевич Любутин. Полагаю: он — один из самых умных людей, каких я встречал на своём жизненном пути. Эрудированный учёный, глубокий мыслитель. Одна из звездочек нашего философского созвездия.

Кстати, Любутин тоже «от сохи» — из простой семьи, что, может быть, нас и сблизило. Я писал у него все курсы, дипломную работу. Он был моим научным руководителем по кандидатской диссертации. Стал консультантом по докторской диссертации. И товарищем по жизни.

– Судя по биографии, вам вообще везло на встречи с крупными личностями. Так,

с членом-корреспондентом РАН Сергеем Сергеевичем Алексеевым, имевшим прямое отношение к написанию Конституции России, вы создавали в составе УрО РАН Институт философии и права, который потом и возглавили, правильно?

– Что касается института, то он образовался в 1988 году — во время перестройки. Причём новая научная структура создавалась практически без ограничений. Например, по тематике мы сами определяли, над чем будем работать, какие проблемы — правовые, гуманитарные, философские — изучать. И никто не мешал нам подбирать кадры. Поэтому к нам пришли очень молодые и очень талантливые люди.

И условия для их работы создавались практически идеальные — мы с Алексеевым отказались от обязательного счисления сотрудников на работе. Заключали с каждым из них договор, который, кроме моральной, никакой другой силы не имел. С каждым договаривались, что он за год должен сделать: допустим, написать книгу, две-три статьи, участвовать в конференциях и так далее. А где человек будет писать монографию — в Екатеринбурге или Москве, было его личным делом.

И в короткий срок появился научный коллектив, с которым считались и в Уральском отделении, и во всей Академии наук. Вы же знаете: академия у нас в основном технического уклона. А тут появились гуманитарии и сразу же очень ярко о себе заявили.

– Вас ещё называют крёстным отцом уральской школы политических консультантов, известность которой вышла далеко за пределы нашего региона...

– Думаю, это случилось потому, что я первым включился в такое консультирование, когда стал доверенным лицом академика Геннадия Месяца при избрании его в Верховный Совет СССР. А потом мы Алексеева избирали в депутаты от академии.

Я активно участвовал в политических кампаниях и подтянул ребят-коллег к Росселю. Его идеологический штаб был в нашем институте. И я говорил будущим консультантам: «Выборы — не только искусство, но и наука, к ним надо подходить профессионально».

– Институт философии и права стал мозговым штабом областной администрации. Видно, поэтому Эдуард Россель и поручил вам возглавить коллектив по написанию Конституции Уральской республики, которая потом была положена в основу областного Устава?

– Тогда все рвались в бой. Во время бесед с областным руководством неоднократно поднимался вопрос изменения статуса нашего региона. Тем более, что Конституция РСФСР позволяла это сделать. Напомним, по действовавшему тогда Основному закону существовали субъекты разного статуса — автономные республики, края и области. И у каждого из них был свой юридический, политический и, что самое главное, экономический статус.

А мы вели разговор о том, что если все россияне — жители одной страны, то нужно, чтобы их статус был одинаковым. Так появилась идея создания Уральской республики.

Те месяцы, когда мы работали над Конституцией Уральской республики, над Уставом области — самые плодотворные в моей жизни. И не только моей, но и в жизни всех, кто

Член Российского философского общества Анатолий Гайда: «Я полностью отдаюсь тому, чем занимаюсь»

этим занимался. Был большой элемент новизны. Мы были первыми такими в России. И чего только не изучали! Конституции штатов США, законы земель ФРГ... Причём сами переводили с других языков то, что ещё не было переведено. Дискутировали, писали, перечёркивали, писали снова — и шли вперед.

Кстати, Россель в этом плане был мотором нашей работы. Он был уверен в правоте того, что мы делаем. Нам его убеждённости даже порой не хватало. Мы-то подходили с точки зрения научного интереса, а он смотрел с точки зрения жизни, перспектив для области. Иногда, когда очень тяжело было, встретившись с ним, поговоришь — и такой заряд энергии, уверенности от него получишь!

– Может быть, уверенность Эдуарда Эргартовича зиждилась на том, что президент Борис Николаевич Ельцин поручил ему Уральской республикой «пугнуть» национальные республики, которые заговорили о собственном суверенитете? А когда всё это сработало, то не оставалось ничего другого, как действовать по принципу: май сделал своё дело и должен уйти?

– Такими сведениями я не располагаю. Но мне не стыдно за деяния того времени. Мы и в страшном сне не склонялись к идее выхода области из состава России. Подтверждением чему служат некоторые пункты (с точки зрения юридической техники), которые мы записали в Конституции Уральской республики. В частности, что она не имеет своей армии, границ, таможен, денег. Это и так было понятно — мы же начали Конституцию с того, что признаётся

суверенитет России, верховенство федеральных законов. Задача нашей работы была одна — унаследовать политические и экономические права жителей Свердловской области с правами населения других республик. И тут ничего опасного в плане реализации не было. Но никто нашу Конституцию внимательно не прочитал. А пошли разговоры, что Россель, дескать, собирается создавать армию, вводить свои деньги и выходить из состава России.

– Вы говорите, что деньги новая республика не хотела печатать. А как тогда отнеслись к уральским франкам, выпущенным политиком Антоном Баковым?

– Баков напечатал деньги за два года до Уральской республики. Когда мы были по случаю 20-летия идеи этой республики на радио «Эхо Москвы», я ему сказал: «Антон, если бы Уральская республика просуществовала не 10 дней, а больше, ты был бы объявлен государственным преступником. Поскольку в Конституции республики было записано, что она не имеет своих денег».

– Есть ли какие-то параллели между идеей Уральской республики и недавним предложением главы города-председателя Гордунь областного центра Евгения Ройзмана о превращении Екатеринбурга в «вольный город»?

– Повторюсь, возможность делать то, что мы делали, была заложена в Конституции РСФСР. А то, о чём говорит Ройзман, идея совершенно глупая, она практически не реализуема с точки зрения права. Ради неё надо менять законодательство, начиная с Конституции России, в которой есть чёткий перечень субъектов РФ.

было около 15. А в связи с изменением федерального законодательства их осталось два или три.

Примечательно, что мы были едва ли не первыми в России, кто в основном документе региона утвердил принцип — Законодательное Собрание формируется по партийным спискам. Это дало колоссальный толчок развитию политической жизни в области!

– Вы ведь неоднократно «ходили во власть», но были нетипичным чиновником. Достаточно вспомнить нашу историю, когда, будучи первым вице-премьером областного правительства, вы добровольно ушли в отставку в знак протеста против применения силы к протестующим студентам. Как это было?

– Было это в марте 1998 года. Студенты в Екатеринбурге вышли на организованный митинг во главе со своими ректорами. Собравшиеся высказали свои претензии к Министерству образования России. (Тогда как раз вводилась новая система платы за общежития, другие изменения касались качества образования.) Приняли резолюцию митинга. Его организаторы, руководители вузов, представители профсоюзов сели по машинам и развезлись. Но студенты-то остались, а потом пришли к Белому дому, где я и работал на 13-м этаже.

Спустился к ним. Сказал окружающим меня студентам: «Ребята, нет проблем. Делите от каждого вуза по два человека поговорить». Собрались, наверное, больше двадцати человек. Привёл их в свой кабинет. И напомнил, что хоть я и чиновник, но был проректором УрГУ. Поэтому проблемы студентов мне хорошо знакомы. Они высказали мне свои претензии. И мы вместе подкорректировали их резолюцию. Тут же по факсу отправили её в Москву, в министерство.

Но пока я общался со студентскими представителями, кто-то стал кидать снежки, а потом какие-то прутья в оцепление. Возможно, это делали провокаторы. А в оцеплении стояла группа, которая только что вернулась из «горячей точки». Студентов, естественно, начали оттеснять, и кое-кому из них досталось.

Потом было заседание областного правительства, на котором присутствовали участники событий, ректоры, правоохранители. Я сказал тогда, что среди собравшихся нет правых, виноваты все. И если власть бьёт студентов по головам дубинками, то мне с такой властью не по пути. И добавил, что заявление об отставке уже отдал в управление кадров.

– Вы, как никто другой, разбираетесь в региональной политике. Что вы думаете по поводу происходящих у нас в области изменений? Один из главных вопросов, об этом говорил Президент Владимир Путин, как сделать органы местного самоуправления более работоспособными?

– У нас все города разные — Екатеринбург, например, очень отличается от Ижевска. Но полноценно одинаковые для всех муниципальных образований. А может быть, часть полномочий небольших муниципалитетов следует передать органам государственной власти? Я был недавно в Германии, так там некоторые мелкие МО создают общий орган управления, имеют одного мэра. Спрашиваю: «Зачем это?». «А это — экономно», — отвечает. Да, это экономно и выгодно, причём мелкие муниципалитеты не чувствуют себя ущемлёнными. Просто там вначале думают, а потом принимают решения. Вот и нам надо продумать такие изменения.

– Анатолий Войцехович, вы посвящали свою жизнь философии. А нужна ли она простым людям в повседневной жизни, в которой они заняты добыванием хлеба насущного?

– Уверен, что да, так как повседневная жизнь сильно зависит от государства. От него есть никому не удавалось отгородиться. Успешность же государства, особенно того большого, как наше, во многом определяется наличием у него собственной философии.

ДОСЬЕ «ОГ»

Анатолий Войцехович Гайда
Родился 29 октября 1947 г. в селе Ясная Поляна Коччетавской области Казахской ССР.
В 1970 г. окончил философский факультет УрГУ.
С 1970 по 1982 г. — ассистент, старший преподаватель, замедка философского факультета УрГУ.
С 1982 по 1984 г. — доцент кафедры философии Карлова университета (Прага, ЧССР).
С 1984 по 1988 г. — проректор по учебной работе УрГУ.
С 1988 г. — заместитель директора по научной работе, а с 1993 по 2001 г. — директор Института философии и права Уральского отделения РАН.
С 1995 по 1997 г. — руководитель администрации губернатора Свердловской области.
С 1997 по 1998 г. — первый заместитель председателя областного правительства.
С 2001 по 2007 г. — заместитель руководителя администрации губернатора области — директор департамента внутренней политики, с 2007 по 2008 г. — первый заместитель руководителя этой администрации.
С 2008 по 2012 г. — депутат Облдумы Законодательного Собрания Свердловской области, председатель комитета по вопросам законодательства, общественной безопасности и местного самоуправления.
С 2013 г. — советник губернатора Свердловской области на общественных началах.
Анатолий Гайда — профессор, член Российского философского общества, автор более 100 печатных трудов.
Награды:
Медаль «За освоение целинных земель» (1963 г.).
Орден Почёта (2005 г.). Знак отличия «За заслуги перед Свердловской областью» III степени (2007 г.).

Студент-философ Анатолий Гайда на военных сборах

Блиц-опрос

– Философы имеют репутацию необычных, нестандартных людей. Чем увлекаетесь вы?

– Я не думаю, что профессия философа как-то определяет его хобби. Хобби, скорее, связано с его личностью. Например, некоторые философы — нумизматы. Другие собирают монеты, а талоны (в частности, на питание), которые использовались в СССР, США и прочих странах. Причём собраны уникальные коллекции. Но я не коллекционер. Мои хобби — спорт, книги. Я всю жизнь играл в волейбол. Увлекался лёгкой атлетикой. Был по ней рекордсменом университета, входил в сборную вуза. А сейчас играю в теннис.

– Сад или огород у вас есть?

– Конечно! Очень люблю копаться в земле. Видимо, это гены. Как только выдётся свободное время, отвожу душу на своём участке. Особенно нравится копать землю, поливать.

– Какие есть в мире любимые места, кроме Урала?

– Пхукет в Таиланде и Карповы Вары в Чехии.

– Есть ли у философов особые пристрастия в еде?

– Сложно говорить за всю философскую братию. Но, учитывая собственный опыт и круг знакомств, думаю, что такое общее пристрастие у философов есть. Мы любим острые блюда и крепкие напитки. А я лично очень люблю тайскую кухню. От тайских блюд, грубо говоря, балдею. И, во многом, в Таиланде бываю из-за них. Это, например, традиционный тайский суп том ям, а также рыба в кисло-сладком соусе.

С будущей женой Светланой и у философов — непростая, — говорит сегодня А.Гайда. — Поэтому здорово, когда дома хорошая аура»

– Ваша жена не философ, потому что «в одной семье два философа — слишком много»?

– Когда я женился (а это было на пятом курсе университета), мы меньше всего интересовались профессией девушки. Ценили совсем другие качества. Например, доброту. То же прежде всего ценю и в своей жене Светлане Михайловне.

– Философы считаются людьми не от мира сего, и стремятся сесть за руль они вроде бы не должны. Водите ли вы машину? Какова манера вождения?

– Философы такие же люди, как и все. Только мыслят более системно. Это относится и к вождению автомобиля. Манера вождения моя, как я полагаю, очень рациональная. Потому меня бесят «засяды» в кустах сотрудников ГИБДД. И когда дорога за городом хорошая, а стоит знак ограничения скорости в 60 километров, то я не понимаю, зачем это нужно. У меня машина в состоянии ехать быстро. А за рулём я испытываю удовольствие.

Руководители Института философии и права УрО РАН Анатолий Гайда и Сергей Алексеев (третий и четвёртый слева в первом ряду) с сотрудниками

ЛИЧНЫЙ АРХИВ АНАТОЛИЯ ГАЙДА